

ГЛАВА 1

Причины возвращения к античной мысли

Когда в начале 1948 года я намеревался прочитать курс публичных лекций по рассматриваемой здесь теме, я все же ощущал настоятельную необходимость предварить их достаточно обширным количеством объяснений и примеров. Тот материал, что я излагал тогда и там (а именно, в Юниверсити-Колледж, Дублин), вылился в часть этой небольшой книги, находящейся сейчас перед вами. Я также добавил некоторый комментарий, сделанный с точки зрения современной науки, а также краткое описание того, что с моей точки зрения является отличительными основными особенностями современной научной картины мира. Доказать, что эти особенности возникли исторически (по сравнению с логически обусловленными), установив их происхождение на ранних этапах западной философской мысли, — вот в чем состояла моя истинная цель при подробном анализе последней. Все же, как я сказал, я чувствовал себя немного неловко, особенно с тех пор как результатом моих официальных обязанностей профессора теоретической физики явились эти лекции. Существовала потребность объяснить (хотя я сам не был вполне убежден в этом), что, коротая время за трудами древних греческих мыслителей и комментариями их взглядов, я *не* просто занимался благоприобретенным недавно хобби; что с профессиональной точки зрения это не означало пустую трату времени, которую следует отнести к часам досуга; что она была оправданна надеждой достичь некоторого понимания современной науки и, таким образом, *inter alia*¹, также и современной физики.

Несколько месяцев спустя, в мае, обсуждая эту тему в Юниверситети-Колледже, в Лондоне (Шермановские лекции, 1948), я уже чувствовал себя намного увереннее. Хотя сначала меня поддержали в основном такие выдающиеся исследователи античности, как Теодор Гомперц, Джон Бернет, Сирил Бейли, Бенджамин Фаррингтон, — позже я приведу некоторые их весьма содержательные наблюдения, — я очень скоро

¹ Между прочим (лат.). — *Прим. перев.*

осознал, что, вероятно, не случайное или личное пристрастие заставило меня углубиться в историю мысли примерно на двадцать веков дальше, чем были склонны исследовать другие ученые, ответившие на пример и призыв Эрнста Маха. Отнюдь не следуя своему странному побуждению, я невольно оказался увлечен, как часто случается, направлением мышления, так или иначе пустившим корни в интеллектуальной ситуации нашего времени. Конечно, в течение короткого периода прошедших одного-двух лет было опубликовано несколько книг, авторы которых не были специалистами по античности, а в основном интересовались современной научной и философской мыслью; и все же они посвятили очень значительную долю научного труда, воплощенного в своих книгах, разъяснению и тщательному исследованию истоков современной мысли в античных произведениях. Существует посмертный труд *Происхождение физической науки* (*Growth of Physical Science*) покойного сэра Джеймса Джинса, выдающегося астронома и физика, широко известного общественности своими блестящими и успешными популяризациями науки. Существует изумительная *История западной философии* (*History of Western Philosophy*) Бертрана Рассела, многочисленные достоинства которой нет необходимости и возможности подробно здесь описывать; мне только хотелось бы напомнить, что Бертран Рассел начал свою замечательную карьеру в качестве философа современной математики и математической логики. Почти треть каждой из этих книг рассказывает об античности. Прекрасный труд подобного масштаба, озаглавленный *Рождение науки* (*Die Geburt der Wissenschaft*), прислал мне примерно в то же время из Инсбрука его автор Антон фон Мёрль, который не является ни специалистом по античности, ни ученым, ни философом; он имел несчастье в то время, когда Гитлер вторгнулся в Австрию, возглавлять полицию (*Sicherheitsdirector*) в Тироле — преступление, за которое он много лет страдал в концентрационном лагере; он чудом выжил.

Теперь, если я правильно назвал эту общую тенденцию нашего времени, естественно возникают вопросы: как она возникла, по каким причинам, и что она в действительности означает? На такие вопросы вряд ли можно дать исчерпывающие ответы, даже если рассматриваемое нами направление мысли лежит достаточно далеко от нас в истории и у нас сложилось неплохое представление об общем положении человечества того времени. Занимаясь совсем недавней его историей, можно в лучшем случае выделить один или два складывающихся

из разных источников факта или особенности. В настоящем случае, я полагаю, таковыми являются два обстоятельства, которые могут служить частичным объяснением ярко выраженных обращенных в прошлое стремлений среди тех, кто занимается историей идей: *одно* относится к интеллектуальному и эмоциональному периоду, в который в наши дни вступило человечество вообще, *другое* — это необычайно критическая ситуация, в которой оказались почти все фундаментальные науки, больше, чем когда-либо охваченные замешательством (по сравнению со своими весьма процветающими детищами типа инженерного дела, практической, включая ядерную, химией, медицинским и хирургическим искусством и техникой). Разрешите мне кратко объяснить эти два момента, начнем с первого.

Как недавно с особой ясностью указал Бертран Рассел², растущий антагонизм между религией и наукой возник не вследствие случайных обстоятельств, не вызван он, вообще говоря, и злонамеренностью обеих сторон. Значительная доля взаимного недоверия является, увы, естественной и понятной. Одна из целей, если, возможно, не главная задача, религиозных движений состояла в том, чтобы завершить всегда неполное понимание неудовлетворительного и загадочного положения, в котором оказывается человек в мире; *закрыть* приводящую в недоумение «открытость» мировоззрения, полученного исключительно на основе опыта, для того чтобы воскресить его веру в жизнь и укрепить его естественную благожелательность по отношению к своим собратьям, являющимися природными качествами человека, как мне видится, но эти качества оказались подавлены личными неудачами и страданиями от нищеты. Теперь, чтобы удовлетворить обычного необразованного человека, это завершение фрагментарной и несвязной картины мира должно предоставить *inter alia* объяснение всех тех черт материального мира, которые в то время либо на самом деле еще не были поняты, либо их до известной степени не может осознать обычный необразованный человек. Эту необходимость редко упускают из виду по той простой причине, что, как правило, ее разделяет человек или люди, у которых в силу их выдающегося характера, их социальной склонности и их глубокого проникновения в человеческие дела, есть власть для господства над массами и исступленного внушения им своих просвещенных моральных идей. Случается так, что эти люди в том, что касается их

² Hist. West. Phil., p. 559.

воспитания и образования, не говоря уже об их выдающихся качествах, как правило, сами оказывались вполне обычными людьми. Их взгляды на материальную вселенную были, таким образом, необоснованными, фактически такими же, как взгляды их слушателей. Во всяком случае, они обычно считали распространение новейших взглядов на мир несоответствующим своей цели, даже если они о них и знали.

Сначала это значило очень мало или ничего. Но шли века и, особенно после возрождения науки в семнадцатом веке, это приобрело большое значение. Соответственно, с одной стороны, религиозные учения остались таинственными и окаменевшими, а с другой стороны, наука начала преобразовывать, чтобы не сказать обезображивать, повседневную жизнь до неузнаваемости и в связи с этим вторгаться в разум каждого человека, а потому рост взаимного недоверия между религией и наукой был предопределен. Это недоверие возникло не вследствие хорошо известных, не относящихся к делу частностей, на основании которых его, по видимости, объясняют, таких как: движется ли земля или покоится, или произошел ли человек из царства животных; эти спорные вопросы могут быть разрешены и в большей степени уже это решение уже достигнуто. Недоверие имеет более глубокие корни. Объясняя все в большей степени материальную структуру мира, то как окружающая среда и наши телесные оболочки по естественным причинам достигли того состояния, в котором мы находим их сейчас, более того, предоставляемая это знание каждому, кому оно интересно, научная точка зрения, так ее опасались, украдкой все больше и больше вырывалась из рук Божества, направляясь таким образом в *самостоятельный* мир, в котором для Бога есть опасность превратиться в бесполезное украшение. Она вряд ли будет оценена должным образом теми, кто искренне дает убежище от этого страха, если мы объявим его полностью необоснованным. Могут появиться социально и морально опасные предчувствия, и иногда они уже появлялись, конечно не у людей, знающих слишком много, но у людей, полагающих, что они знают значительно больше, чем они знают на самом деле.

Однако в равной степени оправданно мрачное опасение, которое является, так сказать, дополнительным и которое преследовало науку с того самого, времени как она появилась. Наука должна опасаться некомпетентного вмешательства с другой стороны, особенно в научной личине, воскрешающей Мефистофеля, который в позаимствованном одеянии доктора Фауста навязывает свои неуместные шутки про-

стодушному ученому. Я имею ввиду следующее. При честном поиске знания вы часто вынуждены терпеть в течение неопределенного времени незнание. Вместо того чтобы заполнить пробел предположениями, настоящая наука предпочитает мириться с ним; а это происходит не столько от сознательных угрызений совести сообщать ложь, сколько вследствие убеждения, что каким бы досадным ни был этот пробел, его стирание с помощью подлога исключает стимул искать логичный ответ. Внимание можно отвлечь так эффективно, что ответ не будет найден, даже если, при большом везении, он окажется совсем рядом. Непоколебимость в отстаивании *non liquet*³, более того в высокой оценке этого в качестве стимула и указателя к дальнейшему поиску, является естественной и обязательной склонностью ума ученого. Это само по себе, вероятно, настроит его против стремления религии замкнуть картину мира, пока к каждой из двух антагонистических позиций (обе они вполне оправданы ради своих относительных целей) не будут относиться осмотрительно.

Такие пробелы легко создают впечатление того, что они являются незащищенными слабыми местами. Временами ими пользуются люди, которым они нравятся, но не в качестве стимула дальнейшего поиска, а в качестве противоядия против своего страха, что наука может, «объясняя все», лишить мир его метафизического значения. Тогда выдвигается новая гипотеза; конечно, в таком случае каждый имеет право это сделать. На первый взгляд кажется, что она твердо скреплена очевидными фактами; только удивляешься, почему эти факты или легкость, с которой предложенное объяснение вытекает из них, ускользнуло от кого-либо еще. Но это само по себе не возражение, поскольку именно с этой ситуацией мы очень часто сталкиваемся в случае подлинных открытий. Однако при более близком исследовании эта инициатива выдает свой характер (в случаях, которые я имею ввиду) тем фактом, что хотя, по-видимому, предоставляя приемлемое объяснение в пределах довольно широкой области исследования, она идет вразрез с общепринятыми принципами здравой науки, которые она или делает вид, что не замечает, или легкомысленно упрощает в том, что касается их всеобщности; поэтому нам говорят, что вера в последнее есть просто предрассудок, который оказался на пути правильной интерпретации рассматриваемого явления. Но созидательная сила общего принципа

³ Вопрос еще не ясен (лат.). — Прим. перев.

зависит именно от его всеобщности. Отступая, он теряет всю свою силу и больше не может служить в качестве надежного проводника, потому что в каждом конкретном случае применения его правомочность можно подвергнуть сомнению. Чтобы закрепить подозрение, что это развенчание явилось не случайным побочным продуктом всей инициативы, а ее зловещей целью, территории, с которой предшествующее научное достижение попросили удалиться, с восхищающей ловкостью провозглашается площадкой для игр какой-нибудь религиозной идеологии, которая действительно не может ее с пользой освоить, потому что ее истинная область находится далеко за пределами чего-либо достичимого с помощью научного объяснения.

Хорошо известный пример такого вторжения — это периодические попытки ввести в науку *законченность* якобы потому, что повторяющиеся кризисы *причинности* доказывают некомпетентность науки как самостоятельной сущности; на самом же деле потому, что все считают *infra dig*⁴ Всемогущего Бога создание мира, в который он с тех пор отказал себе в праве вмешиваться. В этом случае слабые места, которыми пользуются, очевидны. Ни в теории эволюции, ни в проблеме разум-материя наука не смогла дать общее представление о причинной связи, удовлетворительное даже для большинства ее ревностных сторонников. И поэтому вмешались *vis viva*⁵, *élan vital*⁶, энтелехия, целостность, направляемые мутации, квантовая механика свободной воли и т. д. В качестве курьеза разрешите мне назвать аккуратное издание⁷, напечатанное на бумаге намного лучшего качества и намного более привлекательное по внешнему виду, чем те книги, к каким привыкли английские авторы в то время. После здравого и ученого сообщения о современной физике автор удачно прибегает к телеологии, целесообразности внутреннего строения атома и объясняет таким образом все виды его энергии, движение электронов, выделение и поглощение радиации, и т. д.

И надеется угодить этой особой прихотью
Богу, который создал ее и предоставил ей⁸.

⁴Сокр. от *infra dignitatem* (лат.) — ниже достоинства. — Прим. перев.

⁵Живая сила, т. е. кинетическая энергия (лат.). — Прим. перев.

⁶Жизненный порыв, жизненная энергия (франц.). — Прим. перев.

⁷Zeno Bucher, *Die Innenwelt der Atome*, Lucerne, Josef Stocker, 1946.

⁸Kenneth Hare, *The Puritan*

Но разрешите вернуться к нашей основной теме. Я пытался изложить подлинные причины естественной вражды между наукой и религией. Примеры борьбы, возникавшие из-за этого в прошлом, слишком хорошо известны, чтобы требовать дальнейшего комментария. Более того, здесь нас интересуют не они. Какими бы плачевными они ни были, они все же демонстрировали взаимный интерес. Ученые, с одной стороны, и метафизики как официальные, так и из научного мира, с другой, тем не менее осознавали, что их попытки добиться понимания относились в конце концов к одному и тому же предмету — человеку и его миру. По-прежнему ощущалась необходимость устраниния лишнего в широко расходящихся мнениях. Этого так и не добились. Сравнительное перемирие, которое мы наблюдаем сегодня, по крайней мере, среди культурных людей, было достигнуто не установлением гармонии двух типов мировоззрения между собой, строго научного и метафизического, а скорее решением игнорировать друг друга, немного не доходя до презрения. В трактате по физике или биологии, хотя и общедоступном, отступить от метафизического аспекта темы считается дерзостью, и если ученый осмеливается, ему, возможно, дадут по рукам и оставят гадать: за оскорбление ли науки или за особый сорт метафизики, которому предан критик. Трогательно забавно наблюдать, как с одной стороны воспринимается серьезно исключительно научная информация, в то время как другая сторона помещает науку среди мирской деятельности человека, открытия которой менее важны и должны фактически отступить, когда оказываются в противоречии с высшим пониманием, полученным другим образом, с помощью чистого мышления или откровения. С сожалением видишь, как человечество стремится к одной и той же цели двумя разными и трудными извилистыми путями, с шорами и разделяющими стенами, и прилагает лишь малую толику усилий, чтобы объединить все силы и достичь, если не полного понимания природы и положения человека в ней, то, по крайней мере, успокаивающего признания подлинного единства нашего поиска. Все это, по-моему, прискорбно и во всяком случае, вероятно, является собой печальное зрелище, потому что оно очевидно сокращает область того, чего можно было бы достичь, если бы вся мыслительная способность, имеющаяся в нашем распоряжении, была объединена без всякой предвзятости. Однако с этой потерей можно было бы смириться, если бы метафора, которую я использовал, соответствовала действительности, то есть если бы на самом деле существовали две различные массы

людей, придерживающихся двух путей. Но это не так. Многие из нас не решили, каким путем следовать. С сожалением, даже с отчаянием, многие считают, что им следует оградить себя поочередно то от одной точки зрения, то от другой. Несомненно, это не тот случай вообще, когда, получая хорошее всестороннее научное образование, вы так полно утоляете врожденное страстное желание к религиозной или философской непоколебимости, что чувствуете себя совершенно счастливым без чего-либо еще перед лицом превратностей повседневной жизни. Но часто случается так, что науке достаточно поставить под угрозу широко известные религиозные убеждения, а не заменить их чем-то другим. Это порождает нелепое явление научно обученных, крайне компетентных умов с невероятно непосредственным, как у ребенка, неразвитым или атрофированным, философским мировоззрением.

Если вы живете в довольно комфортных и безопасных условиях и принимаете их за повсеместный образ жизни человека, который, благодаря неизбежному прогрессу, в чем вы уверены, скоро распространится и станет всеобщим, то, по-видимому, вы очень хорошо обходитесь без какого-либо философского мировоззрения; если точнее, то, по крайней мере, до тех пор пока не постареете и не одряхлеете и не начнете воспринимать смерть как реальность. Но несмотря на то, что начальные этапы быстрого материального прогресса, которые пришли вслед за современной наукой, представляются ознаменованием эры мира, безопасности и прогресса, подобное положение дел уже больше не преобладает. Времена изменились в худшую сторону. Многие люди, несомненно целые народности, оказались выброшенными из комфортной и безопасной жизни, перенесли непомерные тяжелые утраты и вглядываются в неясное будущее для себя и тех своих детей, что остались в живых. Само выживание человека, не говоря уже о непрерывном прогрессе, больше не считается определенным. Личная нищета, потерянные надежды, приближающиеся бедствия и неверие в благородумие и честность земных правил, вероятно, заставляют человека страстно желать даже смутной надежды, строго доказуемой или нет, что «мир» или «жизнь» опыта будут запечатлены в обстановке высшего, даже если до сих пор еще загадочного, смысла. Но существует стена, разделяющая «два пути»: путь сердца и путь чистого разума. Мы оглядываемся на прошлое стены: могли ли мы ее снести, всегда ли она была здесь? Так как мы внимательно изучаем ее изгибы вдоль холмов и долин во времени истории, то замечаем землю далеко-далеко в пространстве свыше двух

тысяч лет назад, где стена выравнивается и исчезает, а путь еще не раздвоился, и существует только *один*. Некоторые из нас полагают, что стоит потратить время, чтобы вернуться назад и узнать, чему нас может научить очаровательное первобытное единство.

Опуская метафору, мое мнение таково, что философия древних греков привлекает нас именно этим моментом, потому что никогда раньше или позже, нигде в мире, не было ничего напоминающего их весьма передовую и четко сформулированную систему знания, и не создавалась система мышления без рокового разделения, которое препятствовало нам в течение веков и стало нетерпимым в наши дни. Конечно, тогда существовали широко расходящиеся мнения, борющиеся друг против друга с не меньшим рвением, и подчас не более честными средствами — такими как непризнанный плагиат и уничтожение литературных произведений — чем где-либо еще и в другие периоды времени. Но тогда не существовало ограничений на темы, по которым образованному человеку разрешалось высказать свое мнение другому образованному человеку. Все еще существовало согласие, что истинный предмет был по существу одним, и что важные выводы, полученные без учета какой-либо его части, могли и, как правило, имели отношение к другим его областям. Мысль о размежевании в водонепроницаемых отсеках еще не возникла. Наоборот, человека могли легко обвинить за то, что он закрывал глаза на подобную взаимосвязь — как обвинили первых атомистов за то, что они умалчивали о последствиях для этики всеобщей необходимости, которую они допускали, и за неспособность объяснить первопричину возникновения движения атомов и движения, наблюдаемого на небесах. Поясним это наглядно: можно представить ученого из недавно возникшей афинской школы, отправившегося во время отпуска в Абдеру (с должной предусмотрительностью храня это в тайне от своего Учителя), при этом его принимает мудрый, посетивший дальние страны и всемирно известный престарелый господин Демокрит, и он задает ему вопросы об атомах, о форме Земли, о моральном поведении, Боге, бессмертии души, — при этом ему не отказывают в ответе на любой из них. Легко ли Вы можете представить подобную беседу между студентом и его преподавателем в наши дни? Все же, по всей вероятности, у довольно многих молодых людей имеется в душе подобное — нам следует сказать причудливое — собрание вопросов, и они захотели бы обсудить их все с одним человеком, к которому питают доверие.

Довольно о первом из тех двух моментов, о которых я заявил, намереваясь предложить их в качестве причин возрождающегося интереса к античной мысли. Разрешите мне теперь предложить второй момент, а именно, сегодняшний кризис фундаментальных наук.

Большинство из нас полагают, что идеально совершенная наука происходящего в пространстве и времени могла бы, в принципе, свести все, что происходит, к событиям, которые полностью доступны и понятны (идеально совершенной) физике. Но именно с физики в начале века стали повергать в трепет основы науки первые потрясения — квантовая теория и теория относительности. Во время великого классического периода девятнадцатого века, каким бы далеким не могло представляться осуществление задачи фактического описания с точки зрения физики роста растения или физиологических процессов в мозгу мыслящего человека или ласточки, строящей свое гнездо, язык, на котором в конечном счете это описание должно было быть составлено, считали разгаданным, а именно: атомы, конечные составляющие материи, движутся под влиянием взаимного воздействия друг на друга, которое не является мгновенным, а распространяется вездесущей средой, которую можно предпочитать называть эфиром, а можно и нет; сами термины «движение» и «распространение» означают, что мера и место действия всего этого — время и пространство; у них нет иного свойства или задачи, кроме как быть, так сказать, сценой, на которой мы представляем движение атомов и распространение их взаимодействия. Теперь, с одной стороны, релятивистская теория гравитации служит доказательством того, что различие между «актером» и «сценой» нецелесообразно. Материю и распространение чего-либо (типа поля или волны), передающего взаимодействие, следует скорее считать *формой* самого пространства и времени, на которое не следует смотреть как на нечто умозрительно предшествующее тому, что до настоящего времени называли его содержанием; не больше, чем, скажем, углы треугольника предшествуют самому треугольнику. С другой стороны, квантовая теория говорит нам, что то, что прежде считали самым очевидным и фундаментальным свойством атомов, до такой степени, что о нем почти никогда не упоминали, а именно, их существование в качестве поддающихся распознаванию отдельных частиц, имеет только ограниченное значение. Только когда атом двигается с достаточной скоростью в области, не слишком заполненной атомами того же вида, его отличительная особенность остается (почти) точно выраженной. В противном

случае она стирается. С помощью этого утверждения мы не думаем обозначить только нашу практическую неспособность следить за движением рассматриваемой частицы; само понятие абсолютной идентичности считается неприемлемым. В то же время нам говорят, что взаимодействие всякий раз, когда оно имеет, так как оно часто имеет, форму волн короткой длины и малой интенсивности, само допускает форму довольно хорошо поддающихся распознаванию частиц, несмотря на вышеизложенное описание как волн. Частицы, которые представляют взаимодействие в ходе своего распространения, отличаются в каждом частном случае по виду от частиц, с которыми они взаимодействуют; все же они также претендуют на то, чтобы называться частицами. Для завершения картины, частицы любого вида проявляют характер волн, которые становятся тем более выраженным, чем медленнее они двигаются и чем плотнее они собираются, с соответствующей потерей своих особенностей.

Доказательство, ради которого я вставил это краткое описание, было бы подкреплено упоминанием «стирания границы между наблюдателем и наблюдаемым», которое многие считают даже более важным переломом в мышлении, тогда как, по моему мнению, оно представляется очень переоцененной временной стороной без глубокого значения. Во всяком случае, моя точка зрения следующая. Современное развитие — а те, кто выдвинул его вперед, все еще далеки от действительного понимания — вторглось в относительно простую схему физики, которая к концу девятнадцатого века выглядела довольно стабильной. Это вторжение, в известном смысле, отбросило то, что было построено на основах, заложенных в семнадцатом веке, главным образом, Галилеем, Гюйгенсом и Ньютоном. Пошатнулись сами основы. И дело не в том, что мы не везде все еще находимся под очарованием этого великого периода. Мы все время пользуемся его основными концепциями, хотя и в виде, который их авторы вряд ли бы узнали. В то же самое время мы осознаем, что находимся на пределе своих возможностей. Тогда естественно напомнить, что мыслители, начавшие создавать современную науку, не начинали все с самого начала. Хотя они были вынуждены немногое заимствовать из первых веков нашей эры, они поистине возродили и продолжили античную науку и философию. Из этого источника, внушающего благоговение как своей удаленностью во времени, так и своим подлинным величием, отцы современной науки могли брать ранее сложившиеся идеи и недозволенные предположения, и с по-

мощью их авторитета все это вскоре сохранится навсегда. Если бы был сохранен чрезвычайно гибкий и непредубежденный дух, что пропитывал античность, то продолжилось бы обсуждение подобных вопросов, и в них могли бы быть внесены изменения. Предубеждение намного легче определить в первозданном бесхитростном виде, в котором оно впервые возникает, а не в уточненной окостеневшей доктрине, которой оно, возможно, станет позже. Наука отнюдь не представляется поставленной в тупик прочно укоренившимися привычками мышления, некоторые из которых, по-видимому, очень трудно обнаружить, в то время как другие уже установлены. Теория относительности уничтожила понятия Ньютона об абсолютном пространстве и времени, другими словами, абсолютной неподвижности и абсолютной одновременности, и она вытеснила освященную веками пару «сила и материя», по крайней мере с ее доминирующей позиции. Квантовая теория, хотя и распространила атомизм почти безгранично, в то же время ввергла его в кризис, который намного серьезнее, чем готово признать большинство людей. В целом, сегодняшний кризис в современных главных научных вопросах указывает на необходимость пересмотра ее основ вплоть до самых начальных уровней.

В таком случае, для нас это еще один стимул снова обратиться к усердному изучению греческой мысли. Существует не только, как указывалось ранее в этой главе, надежда раскрыть уничтоженную мудрость, а также обнаружить глубоко укоренившуюся ошибку у ее истока, где ее легче опознать. С помощью серьезной попытки возвратиться в интеллектуальную среду античных мыслителей, гораздо меньше знавших то, что касается действительного поведения природы, но также зачастую значительно менее предвзятых, мы можем вновь обрести у них свободу мысли, хотя бы, возможно, для того, чтобы использовать ее, с нашим лучшим знанием фактов, для исправления их ранних ошибок, которые все еще могут ставить нас в тупик.

Разрешите мне завершить эту главу несколькими цитатами. Первая имеет близкое отношение к тому, что только что было сказано. Это перевод из книги Теодора Гомперца *Griechische Denker* (*Греческие мыслители*)⁹. Для того чтобы предупредить возможное возражение, что из изучения древних, которое долгое время было вытеснено лучшей проницательностью, основанной на информации в значительной степе-

⁹ Vol. I, p. 419 (3rd ed. 1911).

ни более высокого качества, не может возникнуть никакого практического преимущества, приведен ряд аргументов, который заканчивается следующим замечательным параграфом:

Даже намного большее значение представляет напоминание о *непрямом* образе применения или использования, который должен рассматриваться как крайне важный. Почти все наше интеллектуальное образование берет начало у греков. Совершенное знание этих истоков является необходимым предварительным условием для *освобождения* себя от их непреодолимого влияния. Игнорировать здесь прошлое не только нежелательно, но просто невозможно. Вам не нужно знать учения и труды великих мастеров античности, Платона и Аристотеля, у вас никогда не возникало необходимости услышать эти имена, тем не менее вы зачарованы их авторитетом. Их влияние передалось не только тем, кто учился у них в древности и современности; все наше мышление, логические категории, в которых оно осуществляется, используемые им лингвистические образцы (поэтому они властвуют над ним) — все это ни в малейшей степени не является артефактом, а в основном плодами великих мыслителей античности. Конечно, мы должны исследовать этот процесс становления со всей основательностью, чтобы не принять за примитивное то, что является результатом развития и расширения, а за естественное то, в действительности оказывается искусственным.

Следующие строки взяты из предисловия книги Джона Бернетта *Ранняя греческая философия* (*Early Greek Philosophy*): «... для описания науки достаточно сказать, что это «размышление о мире подобно грекам». Поэтому наука существовала исключительно среди тех людей, кто оказался под влиянием Греции». Это самое сжатое объяснение, которое мог бы пожелать ученый для того, чтобы оправдать свою склонность «тратить время» на исследования подобного рода.

А оправдание, по-видимому, необходимо. Эрнст Мах, физик и коллега Гомперца по Венскому университету, и выдающийся историк (!) физики, несколько десятилетий назад говорил о «скучных и жалких остатках античной науки»¹⁰. Он продолжает следующим образом:

¹⁰ *Popular Lectures*, 3rd ed., essay no. XVII (J. A. Barth, 1903).

Наша культура постепенно приобрела полную независимость, намного возвысившись над античной. Она следует совершенно *новому* направлению. Она сосредоточена вокруг математического и научного просвещения. Следы античных идей, все еще влачащие жалкое существование в философии, юриспруденции, искусстве и науке, составляют скорее препятствия, чем ценный вклад в них, и в конечном счете перед лицом развития наших собственных взглядов станут несостоятельными.

Несмотря на свою высокомерную грубость, у точки зрения Маха есть важный общий момент с приведенными мною выше словами Гомперца, а именно, призыв для нас *презерти* греков. Но в то время как Гомперц обосновывает нетривиальный поворот явно верными аргументами, Мах решает тривиальную сторону с помощью грубого преувеличения. В других отрывках той же статьи он рекомендует причудливый метод постичь больше античности, а именно, не обращать внимание и игнорировать ее. В этом, насколько мне известно, он почти не добился успеха, — к счастью, поскольку ошибки великих, обнародованные вместе с открытиями их гения, способны вызвать серьезное опустошение.